

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

МАРШ ПАРИЖАН НА ВЕРСАЛЬ ОСЕНЬЮ 1789 Г.: ГОЛОДНЫЙ БУНТ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ?

События 5-6 октября 1789г. не были тривиальным продовольственным бунтом, вызванным нехваткой хлеба в столице. Политические активисты Парижа стремились вырвать короля из враждебного революционного окружения в Версале. При этом они оставались проникнутыми «царистскими» настроениями. Но любовь к монарху сочеталась с ненавистью к его супруге - «австриячке» и мотовке, в которой с подачи озлобленных памфлетистов видели чудовище разврата. При этом Людовик не обнаруживал безволия, приписываемого ему историками. До поры до времени он решительно отстаивал свои позиции перед лицом натиска Учредительного собрания. Однако марш народных низов на Версаль заставил монарха стать более сговорчивым, вынудил отправиться в Париж, где он сделался заложником революционных толп. На короткий период продовольственная проблема утратила свою крайнюю остроту. Столица оставалась относительно спокойной. Это облегчило реформаторскую деятельность депутатского корпуса и вылилось в глубокие общественно-политические преобразования 1790-1791 годов. Но в отдельных регионах Франции напряжение на церковно-религиозной почве порождало кровавые столкновения, а ухудшившаяся позднее хозяйственная конъюнктура и начавшаяся в 1792 году война с соседними государствами повлекли за собой дальнейшую радикализацию революции.

Ключевые слова: Французская революция, дороговизна хлеба, продовольственный бунт, политические акции, поход парижан на Версаль, Учредительное собрание, «Декларация прав человека и гражданина», статьи Конституции.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-31-37

Суть событий 5-6 октября 1789г., известных как поход парижан на Версаль, остается не до конца проясненной и в наши дни. Что это было: обыкновенный голодный бунт или важный элемент политической борьбы за приоритет во властной структуре революционной Франции? Данная статья представляет собой попытку разобраться в обозначенной дилемме.

К осени 1789г. позиции Людовика XVI выглядели достаточно прочными, а настроения широкой народной массы и новой политической элиты — «царистскими» (1, с. 52). Показательно, что в одной из статей антифеодального закона от 11 августа монарх был назван «восстановителем французской свободы» (2, Т.1, с.312). Но сам этот декрет, установивший гражданское равенство и нанеший определенный материальный ущерб духовенству и дворянству, вызывал у короля решительное неприятие, о чем он откровенно поделился с архиепископом Арля (3, с.384). Трудно было ждать от него и позитивного отклика на «Декларацию прав человека и гражданина», чуждую ему по политической философии и юридическим нормам. Особенно досаждали уже принятые статьи Конституции. Ведь депутаты одобрили формулу коллеги Тарже: «король не может издавать законов, даже временных», а также поддержали декрет, за-

прещавший монарху выступать с законодательными инициативами (11, р.211,219).

Глава государства активно реагировал на действия законодателей. Право отлагательного вето использовалось им, чтобы «подправить» закон от 11 августа. В сентябрьских письмах Собранию (3, с.385-386) он стремился выхолостить преобразовательное назначение последнего. Одновременно монарх прибегал к тактике проволок в отношении «Декларации прав» и статей будущей Конституции. Не оставлял он и силовую «аргументацию», перебрасывая отдельные воинские подразделения в Версаль. Все это раздражало депутатский корпус и революционную общественность.

Идея похода на Версаль с целью вырвать короля из контрреволюционного окружения и привезти в столицу поднималась политическими активистами в Пале-Руаяле еще в конце августа в связи с обсуждением в Ассамблее вопроса о королевском вето. Недовольство парижан обострилось из-за офицерских банкетов в Версале в начале октября. 1-го числа лейб-гвардейцы Людовика дали ужин в честь прибывшего Фландрского полка. На вечере, который посетила монаршая семья, звучали здравицы в честь ее членов, тогда как Нация игнорировалась, а офицеры демонстративно носили белые королевские ко-

карды или черные, не считаясь с революционными - трехцветными. Этот ужин, как и ответный 3 октября, обросли слухами о недостойном поведении военных, якобы топтавших национальные кокарды ногами. В действительности этого не было, но богатое застолье в пору полуголодного существования парижской массы само по себе явилось сильнейшим раздражителем. В некоторых округах столицы все громче раздавались призывы к походу на Версаль, а ведомый Дантоном дистрикт Кордельеров опубликовал постановление, угрожая обвинениями в измене за ношение белых и черных кокард. Примечательно, что главное внимание было привлечено к политике. Подчеркивалось, что «принципы Декларации Прав и Конституции поставлены в зависимость от короля, и от этого простого утверждения (им-С.Б.) зависит спасение родины» (2, Т.2, с.273).

Именно в это время Людовик и дал свой ответ по поводу указанных документов. В послании Собранию венценосец заметил, что Декларация прав содержит хорошие максимы, но их смысл может выявиться лишь в законах, для которых они послужат основой. О перспективах конституционных декретов король писал с нарочитой неопределенностью: то объявлял о готовности присоединиться к ним, то рассуждал о возможности их улучшения. Зато в наиболее значимом для себя вопросе монарх обходился без витиеватости и недомолвок. Являясь главой исполнительной власти, он потребовал реальных рычагов управления, поскольку без них не может обеспечить «ни сбора законных налогов, ни свободного обращения продовольствия, ни личной безопасности граждан» (11, р. 349). В таком свете представления о его крайней нерешительности выглядят неубедительными.

Королевское послание законодательному корпусу рассматривалось на его заседании утром 5 октября. На ходе дебатов сказались изменения в настроениях депутатов, произошедшие с начала их работы. За пять месяцев резко повысилась самооценка парламентариев, и тому были веские причины. Развитие революции и быстро растущее влияние Ассамблеи в народе способствовали углубленному пониманию законодателями принципа разделения властей. Недомолвки и затягивание с одобрением Декларации прав и 19-ти статей Конституции по-

влекли за собой стремительную и негативную реакцию левого большинства на присланный монархом ответ.

Первым отозвался Мюге де Нанту: «Какой двусмысленный и коварный документ вы только что получили». По его убеждению, акты, направленные королю, содержали «неоспоримые» истины, подходящие для всех людей и народов. Устремленный вперед Робеспьер подчеркивал, что Декларация прав и Конституция не подлежат цензуре и корректировке, поскольку нет силы, способной воспрепятствовать решениям, исходящим от народа. Для дальнейшей законодательной работы необходимо установить различие между формулой одобрения конституционных статей, на которые не распространяется отлагательное вето, и королевской санкцией обыкновенных декретов.

Депутат Буш предложил постановление, соответствующее позиции Ассамблеи по поводу разделения властей. По завершении работы над Конституцией король даст клятву за себя и своих потомков на троне Франции соблюдать ее и Декларацию прав. Затем присягнет Собрание в присутствии главы исполнительной власти. Оно поклянется управлять, а Людовик - подчиняться в соответствии с законами. Смелее всех выступил Барер. Ссылаясь на то, что права народов древней королевских, депутат утверждал:

«Декларация не требует одобрения монархом, а должна быть им только опубликована». Да и сама Конституция не нуждается в его признании, а критика такого документа, тем более отказ от него, невозможны. Венценосцу следует лишь присоединиться к конституционному акту и обнародовать его (11, р. 343-345).

Под напором левого большинства его оппоненты активно защищались. По мнению виконта Мирабо-«Бочки», брата выдающегося оратора, конституционные декреты уже санкционировались королем, выдвинувшим только одно и правомерное условие: исполнительная власть должна находиться в его руках. А лидер «крайне правой» аббат Мори и вовсе считал вопрос о контроле над ней не условием, а просьбой к законодателям о взаимодействии и помощи. По представлениям правого меньшинства получалось, что обсуждение послания монарха лишено всякого основания, ибо король практически уже одобрил поданные ему акты (11, р.344-346).

Наиболее разумные предложения

внес граф Мирабо. Он заметил, что офицерские пиршества в Версале «оскобляют народную бедность». Для предотвращения подобных и иных эксцессов следует поддерживать строгую дисциплину в войсках. Послание Людовика надо дополнить разъяснениями, которые удовлетворили бы нацию. Неприкосновенность особы короля требует, чтобы, исходящие от него материалы, подписывались и профильными министрами, несущими ответственность за них, в том числе, и уголовную. По результатам обсуждения Собрание высказалось за безоговорочное одобрение монархом Декларации прав и принятых конституционных статей. При этом лексика преамбулы постановления, в которой говорилось о том, что законодатели «умоляют Его Величество», соответствовала позиции графа и не расходилась с «царистскими» настроениями в обществе (11, р.345-346).

Когда в Версале обсуждалось письмо короля, в Париже стремительно развивались события, значимые для судеб французской монархии. Речь шла о выступлении женщин. Его основной причиной стала нехватка продовольствия. Урожай зерновых 1789г. был неплохим, но возникли проблемы с доставкой в столицу. Городки на пути к Парижу перехватывали часть муки, памятуя о перебоях с продовольствием. Хлеба не хватало и он был невысокого качества. В столице за ним выстраивались длинные очереди. Стоявшие здесь женщины, порой, теряли терпение и брали булочные штурмом.

Продовольственные проблемы были обычными для Франции Старого порядка и порождали устойчивые слухи о «голодном пакте», о «заговоре» с целью уморить народ (8, с.132). В разные времена заговорщиками представлялись королевские министры, придворные, сеньоры, «аристократы». Осенью 1789г. обвинения чаще всего падали на священнослужителей. Политически активные парижане «оценили» переход ряда представителей бывшего первого сословия из числа депутатов в контрреволюционный лагерь после отмены церковной десятины.

Наибольшую озабоченность продовольственным вопросом проявляли женщины, ведь именно на них лежала задача обеспечения своих семей съестным. Ведущую роль в волнениях сыграли рыночные

торговки. Их корпорация издавна рассматривалась как выразительница настроений парижской массы. И прежде рыночные торговки наведывались в Версаль к королю с просьбами или с благодарностями.

Уже накануне выступления в воскресенье 4 октября они обсудили план действий. Утром 5-го двинулись к парижской Ратуше, где находился муниципалитет, занимавшийся снабжением города, чтобы получить официальное одобрение своих намерений. Но в семь часов утра в мэрии еще не было высокопоставленных лиц. Преграждавшие вход национальные гвардейцы не решились силой остановить женщин. Те ворвались внутрь здания, взломали двери арсенала, захватили 600 ружей и несколько пушек. Построившись, они отправились в путь под водительством героя штурма Бастилии Майяра. Время от времени демонстрация взрывалась криками: «Долой попов» (3, с.420). Женщины шли под проливным дождем, по грязи, голодные, с детьми. Ворота Севра, где они надеялись получить еду, оказались закрытыми. Только в 4 часа дня манифестанты добрались до Версаля. Часть из них отправилась к Национальному собранию, а тем временем в город по другой дороге через Сен - Клу прибыла вторая «партия» парижан и парижанок (15).

К этому моменту Ассамблея представляла себе тяжесть продовольственного кризиса в столице, о чем свидетельствовало выступление Тарже. Ссылаясь на депутатов, вернувшихся из Парижа, он подчеркнул, что в городе нет хлеба, и потому «брожение достигло предела». Едва Тарже закончил выступление, как у решетки Собрания появилось множество женщин во главе с Майяром. Тому предоставили слово и он рассказал об отсутствии хлеба, о «заговоре», повторив заезженный слух о мельнике, которому прислали 200 ливров и обещали столько же каждую неделю за отказ молоть зерно. Кто-то из сопровождавших оратора даже обозначил главного «заговорщика», назвав имя архиепископа Парижа. Майяр тесно увязывал тему голода с другой - политической. «Мы пришли в Версаль, чтобы потребовать хлеба и одновременно заставить наказать лейб-гвардейцев, оскорбивших патриотическую кокарду». Готовность телохранителей монарха немедленно принять требования парижан показалась лидеру последних недостаточной, и он просил

депутатов «клонить Его Величество» к роспуску полка лейб-гвардии (11, с.346-347). Причина была не столько в бдительности или подозрительности Майяра, сколько в остроте противоречий, которые приведут к кровавой кульминации утром 6 октября.

Между тем находившемуся на охоте королю сообщили о марше на Версаль. Он срочно вернулся во дворец и собрал Совет. Часть приближенных просила монарха немедленно отбыть в Рамбуйе, где уже находилось множество лейб-гвардейцев, а оттуда — в Руан. Но он опасался, что тогда революционеры объявят его кузена - постоянного оппозиционера, герцога Орлеанского - правителем королевства. Отъезд Людовика был чреват гражданской войной, что останавливало французского государя, размышлявшего над трагической судьбой в подобных обстоятельствах английского короля Карла I.

Окружение главы государства настаивало хотя бы на отправке в Нормандию королевы с детьми, поскольку парижские бунтари испытывали к ней самые недобрые чувства. Мария - Антуанетта характеризовалась французами как непреклонная сторонница проабсбургской внешней политики - «австриячка» (5, с.155-159, 199, 224). Народ видел в последней также отчаянную мотовку (7, с.189-190). Импульсивное поведение королевы, любовь к развлечениям в соединении с пассивностью мужа в интимной сфере стоили ей репутации (1, с. 52). Опираясь на грязные сплетни, маргиналы из литературной среды рисовали чудовищный образ Марии-Антуанетты, воспринятый народными низами (14, р. 16-17, 20-21, 40-41). Оставаясь в Версале, она могла стать жертвой агрессии столичных смутьянов. Но королева твердо решила не расставаться с супругом.

В это время к Людовику прибыли делегация законодателей во главе со своим председателем Мунье и депутация участников похода. Пятерых из числа последних допустили во внутренние покои, а самой молоденькой — Луизе Шабри предоставили слово. Людовик хорошо принял просительниц, накормил их, дал денег и обещал «добыть» хлеба. Но, когда депутация вернулась, то их голодные, грязные, не готовые верить устным обещаниям товарки едва ли не повесили юную Луизу (4, с. 169). Пришлось отправиться назад за «письменным ответом», который был дан. Одновременно

король не только согласился с озабоченностями Ассамблеи продовольственной проблемой, но и выказал намерение решить вопрос, зато с одобрением Декларации прав и конституционных статей не спешил. В 20 часов в Собрание возвратился представитель парламентской делегации Гильотен с двумя королевскими документами о снабжении Парижа хлебом.

В первом - монарх заверял, что стремится всеми ресурсами и способами помочь муниципалитету столицы и издаст приказы, содействующие свободному обращению зерна и его транспортировке «в мой добрый город Париж». Гильотен считал также королевское распоряжение, подписанное и министром Сен- При. В нем говорилось, что, узнав о зерне, арестованном в Санлисе и Ланьи, монарх приказал доставить его без промедления в столицу. Это вызвало восторг у депутатов и публики, здравницы в честь короля (11, р. 347).

Складывающаяся обстановка побуждала Собрание представить свой план разрешения продовольственного кризиса. На вызовы оно ответило новым декретом. Ассамблея разделяла миф о заговоре с целью задушить народ в тисках голода. Об этом свидетельствовал длинный перечень разного рода злоумышленников, с которыми предстояло бороться. В него входили: возмутители общественного спокойствия, зачинщики, подстрекатели и виновники того, что мешало продовольственному снабжению, их сообщники и единомышленники. Заняться ими поручалось Комитету расследований Учредительного собрания, которому вменялось в обязанность собрать сведения об этих опасных категориях.

Наряду с темой репрессий в проекте декрета развивалась другая — инструктивная, объяснявшая муниципалитетам и назначенным ими поставщикам зерна и муки их поведение в условиях противодействия. Они должны были обращаться за помощью к исполнительной власти и военной силе. Муниципалитетам близлежащих к Парижу городов предписывалось доставлять хлеб в столицу при посредстве своих булочников.

Третья задача, на решение которой ориентировал декрет, являлась информационно- пропагандистской. Указывалось на необходимость посылать принятые материалы, касающиеся продовольствия, в соответствующие юридические органы с целью их регистрации, опубликования и

вывешивания для всеобщего обозрения. Дабы немедленно успокоить общество, следовало передать копии прежних и нынешнего продовольственного декретов, а также королевские распоряжения по этой тематике парижанам - участникам похода на Версаль (11, р. 347-348).

После одобрения указанных мер Ассамблея, заседавшая уже 12 часов, решила прерваться до завтра. Но тут от Людовика вернулся Мунье, зачитавший безоговорочное согласие главы государства с Декларацией прав и принятыми пунктами Конституции. Законодатели едва осознали случившееся, как их делегацию вновь пригласили во дворец. Король объявил собравшимся депутатам, что хотел «сблизиться с представителями нации и проникнуться их советами в трудной обстановке». Монарх заверял, что никогда не хотел отделяться от Собрания и никогда не сделает этого впредь (11, р. 348). То был умелый тактический ход Людовика.

До депутатов его посетили два члена парижского муниципалитета, предъявившие несколько требований. Одно заключалось в том, чтобы заменить в охране короля его лейб-гвардейцев на столичных национальных гвардейцев. Второе касалось обеспечения Парижа продовольствием, а третье - назначения судей в тюрьмы, где содержались политические преступники. Монарх, не лукавя, согласился на все это, а вот к требованию переехать в столицу отнесся критически. Он понимал, что может стать заложником парижских радикалов. Отсюда - и демонстрация близости к Собранию, которое в его глазах правомерно выглядело меньшим злом, чем революционизированные столичные толпы - главная угроза королевской власти и монаршей семье.

Для депутатов же «длинный день» 5 октября еще не закончился. Осторожный Мунье боялся потерять нити контроля за происходящим, а потому решил продолжить заседание. Законодателей вновь собрали, и они занялись обсуждением проекта уголовного кодекса - вопроса, далекого от нужд момента. До этого на пустовавшие места избранников народа перебрались активные участницы марша на Версаль. Получив немного хлеба, колбасы и вина, они закусывали, но следили за ходом прений, перебивая их криками: «Нам нет дела до уголовного законодательства,

пока в Париже нет хлеба!» (11, р.348). Обращения Мирабо к председателю «навести порядок» возымели, наконец, действие и женщин вывели из зала. Заседание закрыли только в три часа ночи.

Наряду с активистами похода и депутатами Собрания свою роль сыграл и третий актер «больших дней» октября - Национальная гвардия Парижа, руководимая маркизом Лафайетом. Отбытие утром манифестации женщин из столицы не уменьшило толпу у Ратуши. К голодным людям, смешавшимся с любопытствующими на площади, присоединились тысячи национальных гвардейцев. Последние хотели «разобраться» с телохранителями Людовика, с королевским окружением. От своего командира, прибывшего к мэрии лишь в два часа дня, они добивались отправления вслед за женщинами. Но закон требовал указаний гражданской власти: Лафайет ожидал распоряжений Коммуны Парижа. Получив приказ, он возглавил шествие трех мощных колонн Национальной гвардии в Версаль, где появился между 10 и 11 вечера (15).

Маркиз действовал энергично. Посетив короля, он доложил ему ситуацию в столице, выказал намерение защитить трон. Тем самым генерал успокоил монаршую семью и придворных. Участников похода он оттеснил от дворца, выставив его внешнюю охрану из национальных гвардейцев. Но некоторая беспечность помешала Лафайету заменить лейб-гвардейцев короля на своих подчиненных во внутренних покоях, а крайняя усталость понудила ко сну. Позднее его окрестят за это «генералом Морфеем» (13, р.42), поскольку он не предотвратил трагическую развязку.

Причины гибели людей утром 6 октября крылись одновременно в голоде и политическом неприятии. Нерасторопность версальского муниципалитета привела к тому, что накормленной оказалась лишь часть прибывших в город парижан (6, с.198). Сидевшие ночью у костров столичные жители, проникнутые ненавистью к телохранителям монарха из-за недавних пиршеств и пренебрежения к национальной кокарде, оставались к тому же голодными, что усилило их тягу к агрессивным действиям.

Утром 6-го это вылилось в нападение на дворец. Толпа, оказавшаяся здесь, обнаружила, что его решетки можно легко сломать, что и начали делать. Один из лейб-гвардейцев внутри здания обрушился на

парижан с ругательствами, подкрепив их стрельбой, поддержанной сослуживцами. Выстрел насмерть поразил национального гвардейца Жерома Леритье. Ярость охватила толпу. Женщины сыпали жестокими призывами: «Бей охрану! Долой австриячку! Мы сделаем кокарды из ее кишочек!» (9, с.150). Штурмующие разрушили преграды, ворвались во внутренний двор, а затем в Мраморный. Положив на ступеньки лестницы окровавленное тело 18-летнего Жерома, они ринулись наверх. Два встреченных ими лейб-гвардейца были растерзаны. Их головы отделили от тел и насадили на пики. Часовые закричали: «Спасите королеву!». Мария-Антуанетта, едва одевшись, поспешила в спальню Людовика, где семья воссоединилась. Напряжение, владевшее бунтарями, стало спадать. Национальные гвардейцы воспользовались этим для примирения с телохранителями венценосца. Лепту в успокоение внес и Лафайет. Он вывел на балкон королеву и рыцарственно поцеловал ей руку. Затем появился монарх, встреченный сотнями голосов: «Короля в Париж». Пришлось уступить и согласиться на неприятное для него требование.

После кровавых событий удалось, наконец, обеспечить хлебом всех участников марша. Из зернохранилищ в соответствии с королевским приказом взяли муку, загрузили в десятки повозок и направили в Версаль. Но и на месте сами манифестанты отыскивали необходимое продовольствие. Свидетельством неожиданного «изобилия» стали хлебцы, наколотые на штыки ружей национальной милиции (4, с. 181).

Разворачивалась спешная подготовка к отъезду, намеченному на час дня. Депутаты в состоянии эмоционального воодушевления приняли решение о том, что Соборание неотделимо от монарха и последует за ним в столицу (15). Вскоре по дороге в Париж растянулся огромный кортеж. В авангарде находились национальные гвардейцы, за ними - толпа женщин и мужчин, восседавшая на пушках и повозках и шедшая пешком, потом—лейб-гвардейцы, сле-

дом - королевский экипаж, выезжавшие законодатели и замыкавшие шествие Фландрский полк и швейцарская сотня. При этом, к некоторым идиллическим чертам, воплощенным в торговках, распевавших веселые куплеты о королевской чете и дофине, что обеспечат Париж хлебом, прибавлялись и другие—зловещие. Мужчины разбойничьего вида время от времени колодили палками в окна королевской кареты, угрожая Марии - Антуанетте. В 11 вечера венценосная семья, встреченная длинными речами должностных лиц на парижской заставе, а позднее - у Ратуши, добралась до Тюильри. Давно пустовавший дворец стал ее прибежищем в столице.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что поход на Версаль явился одновременно и бунтом, вызванным нехваткой продовольствия, и политическим выступлением, нацеленным на то, чтобы вырвать короля из враждебного революционного окружения и заставить его признать базовые акты новой власти. Манифестация увенчалась успехом. Монарха принудили одобрить «Декларацию прав человека и гражданина», а также конституционные статьи. Эти документы послужат основой для грандиозных преобразований, осуществленных первой революционной Ассамблеей. Произошедшее сделало короля сговорчивей. Лишенный широты политического маневра и ограниченный в передвижении, монарх все слабее сопротивлялся реформаторской практике депутатского корпуса.

С ноября 1789г. на определенный период утратила крайнюю остроту продовольственная проблема. Неолиберальные историки последней трети прошлого века назвали 1790г. спокойным и даже счастливым. Но в ряде бывших провинций и областей Франции религиозное, политическое и иное напряжение продолжило выливаться в кровавые столкновения, что потверждало правоту ученых, оспаривавших оптимистичную характеристику второго года революции (10, p.121; 12, p.221).

Список литературы

1. Блуменау С. Ф. Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть // Вопросы истории, 2017, № 4.
2. Документы истории Великой французской революции. Т. 1-2. М., 1990-1992.
3. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга первая. М., 1976.
4. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.

5. Левер Э. Мария - Антуанетта. Ростов - на- Дону, 1997.
6. Тьер Л.- А. История Французской революции. Т. 1. М., 2015.
7. Фрэзер А. Мария - Антуанетта: Жизненный путь. М., 2008.
8. Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.
9. Черкасов П. П. Лафайет: Политическая биография. М., 1991.
10. Aftalion F. L'йconomie de la Rйvolution franзaise. P., 1987.
11. Archives parlementaires дй 1789 a 1860. Premiєre sйrie. P., 1877. Т. IX.
12. Bluche Fr. Septembre 1792 : Logiques d'un massacre. P., 1986.
13. Gueniffey P. Histoires de la Rйvolution et de L'Empire. P., 2011.
14. Thomas Ch. La reine scйlйrate : Marie- Antoinette dans les pamphlets. P., 1989.
15. Journйes des 5 et 6 octobre 1789- Wikipedia URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journ%C3%A9es_des_5_et_6_octobre_1789 (дата обращения- 08.03.2021).

MARCH OF THE PARISIANS ON VERSAILLES IN THE AUTUMN OF 1789: FOOD RIOT OR POLITICAL ACTION?

The events on October 5-6, 1789 were not a trivial food riot caused by a lack of bread in the capital. Political activists in Paris sought to wrest the king from the grasp of the Versailles environment that was hostile to the revolution. At the same time, they remained imbued with "tsarist" sentiments. However, love for the monarch was combined with hatred for his wife - an "Austrian" and a squanderer, who was in their eyes, at the suggestion of embittered pamphleteers, a monster of debauchery. Notably, Louis did not show the lack of will attributed to him by historians. For some time he resolutely defended his positions in the face of the onslaught of the Constituent Assembly. However, the march of the lower classes on Versailles made the monarch more compliant, forced him to go to Paris, where he became a hostage to the revolutionary crowds. For a short period of time the food problem became less acute. The capital remained relatively calm. This facilitated the reformist activities of the deputy corps and resulted in the fundamental social and political reforms of 1790-1791. But in some regions of France tension on church and religious grounds gave rise to bloody clashes. Moreover, the economic situation that worsened later and the war with the neighboring states that began in 1792 led to a further radicalization of the revolution.

Keywords: French Revolution, high cost of bread. march of the Parisians on Versailles, food riot, political actions, Constituent Assembly, Declaration of the Rights of Man and Citizen, articles of the Constitution.

References

1. Blumenau S. F. Uchreditel'noe sobranie Franczuzskoj revolyucii XVIII v. i ispolnitelnaya vlast' // Voprosy' istorii, 2017, № 4.
2. Dokumenty' istorii Velikoj franczuzskoj revolyucii. Т. 1-2. М., 1990-1992.
3. Zhores Zh. Socialisticheskaya istoriya Franczuzskoj revolyucii. Т.1. Kniga pervaya. М., 1976.
4. Karlejl' Т. Franczuzskaya revolyuciya. Istoriya. М., 1991.
5. Lever E'. Mariya - Antuanetta. Rostov – na - Donu, 1997.
6. T'er L.- A. Istoriya Franczuzskoj revolyucii. Т. 1. М., 2015.
7. Frezer A. Mariya - Antuanetta: Zhiznennyj put'. М., 2008.
8. Chekanceva Z. A. Poryadok i besporyadok. Protestuyushhaya tolpa vo Francii mezhdou Frondoj i Revolyuciej. Novosibirsk, 1996.
9. Cherkasov P. P. Lafajet: Politicheskaya biografiya. М., 1991.
10. Aftalion F. L'йconomie de la Rйvolution franзaise. P., 1987.
11. Archives parlementaires дй 1789 a 1860. Premiєre sйrie. P., 1877. Т. IX.
12. Bluche Fr. Septembre 1792 : Logiques d'un massacre. P., 1986.
13. Gueniffey P. Histoires de la Rйvolution et de L'Empire. P., 2011.
14. Thomas Ch. La reine scйlйrate : Marie- Antoinette dans les pamphlets. P., 1989.
15. Journйes des 5 et 6 octobre 1789- Wikipedia URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journ%C3%A9es_des_5_et_6_octobre_1789 (data obrashheniya- 08.03. 2021).

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный уни- верситет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: blumenausf@mail.ru